

ИЗМЕНЕНИЯ В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ ИЗДЕРЖЕК ПРОИЗВОДСТВА ОСНОВНОЙ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ ЦЕПОЧКИ В УСЛОВИЯХ РАЗДЕЛЕННОГО ДОНБАССА

Актуальность проблемы. Российская агрессия против Украины, сопровождавшаяся вторжением воинских формирований РФ и боевыми действиями в Донбассе, начавшимися в 2014 г., привела к оккупации Россией и поддерживаемыми ею НВФ (незаконными вооруженными формированиями) части территории Донецкой и Луганской областей Украины. В результате оккупации части украинского Донбасса Россией, в регионе де-факто сложилась и была закреплена Минскими соглашениями т.н. линия соприкосновения, ставшая, по сути, демаркационной линией, разделившей территорию украинского Донбасса на две части: одну, территориально меньшую, находящуюся под фактическим контролем пророссийских квазигосударственных образований «ДНР» и «ЛНР», и вторую, территориально большую, продолжающую оставаться под контролем правительства Украины.

Однако, несмотря на наличие разделительной линии и обособление друг от друга жизненных укладов в обеих частях Донбасса, его экономика продолжала во многих отношениях сохранять внутреннее единство, по крайней мере до момента реализации на практике официального решения Украины о прекращении товарооборота с оккупированными территориями в начале 2017 г. Более того: несмотря на официальное прекращение товарооборота с оккупированными территориями, экономика оккупированной части Донбасса все равно остается определенным способом встроенной в экономику Украины, продолжает влиять на нее и взаимодействовать с нею, хотя механизмы такого влияния и взаимодействия по сравнению с 2017 г. и, тем более, 2014 г., значительно изменились.

Изучение конкретных механизмов взаимодействия и взаимного влияния экономики оккупированной Россией части Донбасса и экономики, условно говоря, большой Украины представляется весьма актуальной проблемой как с точки зрения новизны вызовов, появившихся перед украинским государством и обществом, так и сточки зрения поиска путей реинтеграции Украины.

Анализ последних исследований и публикаций. Все публикации, касающиеся проблемы функционирования экономики Донбасса и Украины в условиях наличия фактической демаркационной линии в Донбассе, предусмотренной Минскими соглашениями, можно условно разделить на 3 вида. Первый вид – это публикации в периодической печати

(газеты, журналы и т.п.). Они стали появляться уже со второй половины 2014 г. и, не вдаваясь в глубокий анализ ситуации, обычно ограничивались простой констатацией факта разделения и перечислением наиболее значительных промышленных объектов, оставшихся на территории, де факто подконтрольной НВФ. Так, в частности, в украинском еженедельнике «Фокус» от 13 марта 2015 г. появилась публикация под названием «30 ключевых предприятий, которые мы теряем». Авторы попытались разделить данный массив предприятий на 2 группы: те предприятия, «потеря которых не критична для экономики», и те, «потеря которых болезненна для Украины» [1].

Второй вид публикаций – о целесообразности или нецелесообразности экономической блокады оккупированных территорий – был вызван к жизни обострившимся спором вокруг этого вопроса накануне официального начала т.н. торговой блокады. Основной массив этих публикаций приходится на январь – апрель 2017 г., то есть на период подготовки такого решения, споров в обществе по поводу него, блокирования железнодорожных путей отдельными группами активистов и проведения решения на нормативно-правовом уровне. Хотя отдельные публикации о целесообразности блокады стали появляться почти с самого начала конфликта. Следует сказать, что в этих публикациях, по сравнению с публикациями предыдущего вида, уже делались попытки хотя бы примитивного анализа экономики разделенного региона и приблизительной оценки экономических последствий предлагаемых шагов. Среди примеров таких публикаций можно привести статью в общенациональном еженедельнике «Деловая Столица» от 14 сентября 2014 г. под названием «Яценюк начинает очередную фиктивную блокаду ДНР». В ней шла речь о том, как кабинет министров Украины «намерен вывести из схем возмещения НДС предприятия, зарегистрированные в зоне АТО» [2]. Как видим, уже само по себе наличие схем возмещения для предприятий зоны АТО по состоянию на сентябрь 2015 г. говорит о сохранении определенной степени финансового единства экономики оккупированной части Донбасса и остальной Украины даже через полтора года после начала военных действий.

Однако и среди публикаций данного вида чаще всего преобладала поверхностность и дефицит системного подхода, да и вряд ли могло быть по-дру-

гому, поскольку сам формат коротких заметок в, чаще всего, электронных СМИ, во многом определял такую поверхностность.

Ну и, наконец, третий вид – научные публикации. Их по-прежнему крайне мало по указанной тематике несмотря на то, что искусственное разделение украинского Донбасса продолжается пятый год.

Одними из тех, кто уделяет внимание экономической проблематике, порожденной российской агрессией, являются ученые Института экономики промышленности НАН Украины. Так, например, в статье д.э.н. В.П. Антонюк «Вплив внутрішньо переміщених осіб на розвиток територіальних громад: проблеми та перспективи» исследованы состояние и проблемы внутренне перемещенных лиц в Украине, определены проблемы интеграции вынужденных переселенцев в территориальные сообщества [3].

В статье аспиранта М.Ю. Сушко «Аналіз сучасного стану розвитку промислової галузі України» выявлены дестабилизирующие факторы, нарушившие стабильную деятельность промышленных предприятий, среди которых автор называет «разрыв межрегиональных взаимоотношений, вызванный военным противостоянием на Донбассе» [4].

Большой интерес с точки зрения перспектив экономики Донбасса и стратегических целей ее модернизации представляют исследования д.э.н., академика АЭН Украины В.И. Ляшенко и д.э.н. Н.Н. Якубовского, в ходе которых эти авторы приходят к выводу, что «Для Донецької і Луганської областей термін «відновлення» має бути якщо не остаточно виключено з модернізаційної лексики, то у всякому випадку, значно обмежено. Навряд чи доцільно відновлювати збитковий видобуток вугілля, мартенівську виплавку сталі, виробництво лише первинних видів металу. Вони не покращать технологічної структури промисловості. Та й інвестиції на відновлення виробництв III технологічного укладу отримати буде дуже проблематично» [5].

В работах А.Н. Колосова осуществлена попытка анализа последствий т.н. экономической блокады, начатой в начале 2017 г., предприятий неподконтрольной части Донбасса, пытавшихся работать в законодательном поле Украины. В статье «Економічна блокада підприємств невідконтрольної частини Донбасу дає свої негативні наслідки» А.Н. Колосов говорит о трех фазах состояния экономики Украины в течение периода вооруженного конфликта в Донбассе. Первая фаза, согласно ему, «...характеризувалась падением внутреннего регионального продукта (ВРП) областей Донбасса вследствие значительных потерь, которые понесла его промышленность из-за приостановки предприятий во время военных действий, уменьшения поступлений сырья, прекращения поставок энергоресурсов и др.» [6]. Для второй фазы было характерно дальнейшее падение производства в 2015 г. «из-за того, что значительная часть предприятий, оставшихся на неподконтрольной территории, или вовсе прекратили

работу, либо значительно уменьшили сотрудничество в рамках целой страны». Однако в рамках третьей фазы «наблюдается относительное улучшение показателей в 2016 году, что объясняется стабилизацией экономического потенциала Донбасса и страны в целом, способностью восстанавливаться в условиях постоянной конфигурации линии военного противостояния, которая сохраняется неизменной в течение 2015-2017 годов».

И все же, недостаточно исследованными являются еще многие аспекты экономической ситуации, сложившейся в результате оккупации части украинских территорий, в особенности взаимодействие их экономики с экономикой т.н. большой Украины.

Целями статьи являются: выявление принципиальных изменений в структуре издержек производства одной из основных технологических цепочек Донбасса (цепочки уголь – кокс – металл) в условиях наличия демаркационной линии, существующей в Донбассе, а также нахождение связи между формированием конфигурации этой демаркационной линии и экономическими факторами. Среди последних перспективным для поиска такой взаимосвязи представляется доля добавленной стоимости в общей стоимости продукции промышленных предприятий, расположенных на оккупированных и не оккупированных территориях.

Изложение основного материала исследования

1. Технологические цепочки Донбасса до 2014 г. Причины их кризиса. Как известно, основной технологической цепочкой Донбасса является цепочка уголь – кокс – металл. Иногда ее продлевают, добавляя звено металл – трубы. Именно черные металлы и изделия из них являются главным экспортным товаром всего региона, а доходы от этого экспорта составляли внушительную часть всего украинского экспорта, поддерживая своей выручкой валютный рынок страны. Оседлав в девяностые годы эту технологическую цепочку на Донбассе и Приднепровье, несколько до того никому не известных людей стали олигархами и миллиардерами украинского, восточно-европейского и даже мирового масштаба, войдя в первую сотню богатей всего мира по версии ряда агентств и журналов.

В конце девяностых годов и в период 2000-2007 гг. цепочка уголь – кокс – металл – трубы работала весьма эффективно и приносила огромные прибыли контролирующим ее кругам. Кое-какие крохи перепали с «барского» стола и неолигархическим слоям общества. Именно эффективность работы этой технологической цепочки обусловила возможность того экономического роста, который Украина пережила в указанные годы.

Этот рост достигался за счет комбинации определенных социально-экономических факторов, среди которых необходимо назвать, прежде всего, следующие:

– необычайно низкая как для Европы цена рабочей силы (следствие краха советской экономики, либерализации цен, гиперинфляции начала 1990-х годов и обесценивания старых советских сбережений);

– относительно низкие рентные платежи для горно-металлургических предприятий;

– хорошая конъюнктура на мировом рынке черных металлов (во многом следствие спроса бурно растущей китайской экономики);

– серьезные налоговые льготы для предприятий горно-металлургического комплекса (ГМК);

– низкий, а, значит, благоприятный для экспортеров, обменный курс гривны к ведущим мировым валютам.

Комбинация этих благоприятных для производства и экспорта факторов была не слишком стойкой, а сами они в большинстве случаев имели тенденцию постепенно сходить на нет. Действительно, наша национальная валюта постепенно стала более стабильной, а длительные периоды времени даже находилась в режиме ревальвации. Зарботная плата шахтеров, коксохимиков и металлургов постепенно увеличивалась как в гривненном, так и в долларовом эквиваленте. Росли цены на услуги железной дороги (т.н. ж/д тариф) и других сопряженных с металлургией секторов. В этих условиях рентабельность экспорта и всей цепочки значительно снижалась. А самое главное, произошло сокращение спроса на металл на мировом рынке, что по закону спроса и предложения привело к снижению цен. Осенью 2008 г. в Украине разразился настоящий кризис с падением производства кокса и стали. В довершение ко всему значительно выросла цена на российский газ, который, как отмечено в публикации [7] еще в январе 2012 г., становился экономическим "могильщиком" украинского индустриального неофеодализма.

Итак, **большинство факторов, обеспечивавших высокорентабельную работу цепочки уголь – кокс – металл – трубы, к 2008-2009 гг. перестали действовать, а их комбинация распалась.** Ухудшение конъюнктуры на мировом рынке черных металлов и высокая цена на российский газ обесценили ренту украинских металлургических комбинатов, этих индустриальных аналогов феодальных сеньорий прошлого. В 2013-й год украинская олигархическая модель вползла с серьезными минусами и массой трудноразрешимых проблем. Надо было что-то делать.

2. Экономический смысл того, что делает «ДНР» и «ЛНР». Если отбросить всю агитационно-митинговую шелуху агитаторов т.н. русского мира о «защите» русских и русскоязычных граждан Украины, в чистом экономическом остатке практических действий «ДНР» и «ЛНР» можно увидеть следующие составляющие:

1) уменьшение реальных зарплат, резкое снижение цены рабочей силы шахтеров, коксохимиков

и остальных слоев населения на подконтрольных «ДНР» – «ЛНР» территориях;

2) прекращение пенсионного обеспечения жителей на этих территориях; полноценные пенсии выплачивает только Украина, в квазиреспубликах же выдают только мизерные суммы, близкие по статусу к социальной помощи;

3) увеличение продолжительности рабочего дня, что также означает рост эксплуатации рабочей силы;

4) практически полное отсутствие социальной защищенности.

Согласно моим расчетам, реальная зарботная плата шахтеров угледобывающих предприятий, оставшихся на территории, контролируемой «ДНР» и «ЛНР», в 2015 г. составила лишь 38% уровня 2013 г., а в 2016 г. – 19,5%.

Основными причинами такого снижения стали: абсолютное уменьшение размера выплачиваемой зарботной платы, девальвация украинской и российской валют, в которых производилась эта выплата, а также процесс начавшегося замещения денежных выплат натуральными. Это значительно снизило реальную себестоимость угля, добываемую на этих предприятиях, но реализованного на территории большой Украины.

При этом конкретные формы, которые приобрел процесс снижения реальной зарботной платы шахтеров, изменялись от года к году. Так, например, в 2016 г. процесс снижения реальной зарботной платы шахтеров приобрел преимущественно форму невыплаты зарботной платы, что нашло отражение в увеличении задолженности по зарботной плате по некоторым угольным предприятиям и объединениям до 6 месяцев (например, «Макеевуголь»). А в следующем, 2017 г., задолженность по зарплате существенно сократилась (например, в том же «Макеевуголь» – с 6 месяцев до 3-х), однако из-за проблем со сбытом угля, обусловленных т.н. блокадой, работников в 2017 г. стали больше отправлять в неоплачиваемые отпуска. В 2014-2015 гг., когда сбыт угля на контролируемую украинским правительством территорию еще был налажен, главную роль в снижении реальной зарботной платы шахтеров сыграла резкая девальвация гривны, произошедшая в этот период.

Третья группа – угледобывающие государственные предприятия, не связанные с т.н. олигархическим бизнесом отношениями концессии, что не исключает экономической связанности с ним с помощью других схем и хозяйственно-правовых механизмов. К условной третьей группе можно отнести, в частности, «Донецкуголь» и «Макеевуголь».

Предприятия всех трех групп после событий 2014 г. заявили о намерении работать на неподконтрольной территории по украинскому законодательству, и поэтому публикуемая до начала 2017 г. ими информация может считаться достаточно достоверной.

Динамика изменения реальной заработной платы шахтеров угледобывающих предприятий на территории, контролируемой «ДНР» и «ЛНР», по отношению к уровню до начала конфликта, %*
2013 г. = 100%

2013 г.	2014 г.		2015 г.	2016 г.	2017 (оценка)	2018 (оценка)
		в т.ч. вторая половина 2014 г.				
100	75	55	38	19,5	22,7	21,2

* Расчеты автора на основе открытых и опубликованных в СМИ статистических данных по соответствующим угольным объединениям и предприятиям.

Примечание. Накануне событий 2014 г. все угледобывающие предприятия, впоследствии оказавшиеся на временно неконтролируемой правительством Украины территории, делились на несколько больших групп с разным хозяйственно-правовым статусом и способом взаимодействия с соответствующими структурами т.н. олигархического бизнеса. В одну группу можно условно отнести предприятия, непосредственно входящие в такие структуры. Таково, например, объединение «Краснодонуголь» (Луганская область), угледобывающее предприятие, которое относится к горно-металлургическому бизнесу «Метинвест» компании СКМ. Во вторую группу можно отнести формально государственные предприятия, которые, однако, связаны с олигархическим бизнесом отношениями концессии. Так, согласно опубликованным в СМИ данным, в 2011 г. целостный имущественный комплекс ГП «Ровенькиантрацит» на 49 лет был взят в концессию.

После февраля - марта 2017 г. (начало т.н. блокады железнодорожного сообщения между подконтрольной и неподконтрольной правительству Украины частями Донецкой и Луганской областей, а также объявлений крупных бизнес-структур Украины о полной потере контроля над рядом предприятий, оказавшихся на территории, контролируемой «ДНР» и «ЛНР»), возник значительный дефицит достоверной информации, который автор компенсировал методом своей экспертной оценки.

С экономической точки зрения, все эти процессы означают удешевление рабочей силы, снижение издержек на нее и резкий рост эксплуатации рабочей силы той части населения, которая проживает на территориях, контролируемых сепаратистскими образованиями. Здесь рабочие и шахтеры лишились денежных выплат и начали, по большей части, трудиться не за деньги, а за натуральный продуктовый паек в виде небольшого количества круп, макарон, консервов, сахара и других самых необходимых для физиологического выживания продуктов. Тем самым, они превратились почти что в рабов, работающих за натуральную пайку. **Сбылась давняя мечта украинской олигархии – иметь не просто дешевых, а бесплатных работников, обходящихся вовсе без денег.** В этом смысле, если бы «ДНР» не возникла, олигархическим кругам ее надо было придумать...

Не здесь ли, в экономике, кроется одна из причин загадочного весеннего 2014 г. непротравления официального украинского руководства сепаратистам во время захвата ими власти в двух восточно-украинских областях? Не потому ли представители украинской власти в регионе и в центре бездействовали и сдавали сепаратистам административные здания, воинские части и города, что реальные планы «ДНР» – «ЛНР» отвечали сокровенным экономическим чаяниям всего класса нуворишей Украины – мечтам о практически бесплатных работниках для своих предприятий?

Если конъюнктура мирового рынка и цена российского газа не зависят от воли украинской олигархии, то цена местной рабочей силы – вполне, ведь ее можно искусственно сбить, доведя почти до нуля. Точнее, до физиологического минимума, без излишеств. Что успешно и выполнили «ДНР» и «ЛНР». В общем, если нельзя устранить действие одного фактора, снижающего рентабельность, ее можно повысить за счет другого. Если не удастся сэкономить на одном, можно сэкономить на другом. Крайними оказались рядовые жители Донбасса. С приходом «ДНР» произошло олигархическое разрешение вопроса падающей рентабельности крупной донбасской промышленности.

3. «Республики» копанок. Если сопоставить карту ареала распространения копанок с картой границ «ДНР» и «ЛНР», мы увидим практически полное тождество. В Донецкой области больше всего копанок находится в окрестностях Шахтерска, Тореза и Снежного. В Луганской – в Антрацитовом районе и сопредельных с ним местностях. Именно эти районы и являются территориальной сердцевиной двух псевдореспублик. И до того практиковавшееся здесь фактическое рабство нелегальных шахтеров теперь получило адекватное ему политическое выражение. Только теперь на указанных территориях оно стало всеобщим, всепоглощающим: рабские стандарты довольно быстро переносятся с копанок на белую (официальную) экономику, и, прежде всего, на государственные шахты.

Если отвлечься от модной ныне геополитики, а посмотреть с экономической точки зрения, можно сделать вывод, что «ДНР» и «ЛНР» – это искусственно созданные резервации дешевого труда, своеобразные бангустаны, позволяющие олигархической системе сбросить социальные обязательства перед лицами наемного труда. Но прибыльные технологические цепочки оставить теми же, только освободить их от излишней (с точки зрения олигархии) социальной нагрузки. Конечная

цель – удешевление конечного продукта, металла. И прежде всего, металла, поставляемого на экспорт. За счет снижения издержек на заработную плату и пенсии.

В этом смысле можно сказать, что в то время, как в основе деклараций независимости многих стран мира лежит национальное самосознание и стремление к свободе, в основе провозглашения «независимости» в Донецке лежит калькуляция себестоимости и стремление к наживе определенного узкого слоя, контролирующего крупную и монополистическую промышленность.

4. Социальная структура неорабладельческих «республик». В таких «республиках», как «ДНР» и «ЛНР», довольно быстро формируется предельно простая социальная структура. Первые признаки этого заметны уже сейчас. **Здесь будут только рабы, солдаты и правители.** Никаких пенсионеров (для производства они не нужны), практически никакой интеллигенции. К слову, чем-то напоминает социальную структуру термитника или улья. Если ты стар и не можешь рубить уголек – ты объявляешься трутнем. И пенсии у тебя нет. Умирай или уезжай. Это подтверждается практикой. По данным ООН, украинского МВОТ (министерства по делам временно оккупированных территорий) и ряда общественных организаций, из оккупированной Россией части Донбасса уже уехали, по разным данным, от 1,2 до 2 млн человек.

Если ты пишешь стихи, ты тоже не нужен. Ведь что такое стихи? Это же не уголь! Они тоже не нужны. Врач нужен лишь для того, чтобы после легких травм поднять упавшего раба на новый трудовой день. Тяжелые же травмы лечить никто не будет. Это дорого, ты столько не стоишь, умирай...

Законом такого, с позволения сказать, общества, становится следующее: если человек выпал из производственного процесса, он выпал и из жизни. В буквальном смысле. Если ты перестал спускаться в копанку и перестал быть придатком кайла, ты – никто. Впрочем, здесь жители и так, по сути, лишены всех основных прав: права на жизнь, на неприкосновенность личности и собственности, на достойную оплату труда, избирательного права, свободы слова и собраний, свободы вероисповедания, свободы перемещения.

5. Противоречивое единство экономики Украины и «ДНР». Пока на линии соприкосновения идут перестрелки и бои, оккупированные и свободные территории экономически взаимодействуют друг с другом. Вот лишь две статьи по этому поводу:

«Подконтрольные боевикам шахты закупили оборудования за средства госбюджета – СМИ» («Украинская правда», 9 января 2015 г.) [8];

«Покупаем и будем покупать». Уголь с оккупированных территорий является для Украины самым выгодным по цене – Минэнерго» («Остров», 9 января 2015 г.) [9].

Информация, приведенная в указанных статьях, подтверждает, что, несмотря на декларируемые идеологические, политические и прочие противоречия между противоборствующими сторонами, единство технологической цепочки уголь – кокс – металл сохранялось по крайней мере до весны 2017 г. Более того, из-за дешевизны угля, основанной на фактическом рабстве шахтеров оккупированных территорий, появилась возможность вновь удешевить конечный, экспортный продукт – металл.

Интересно, что производство стали в Донецкой области в январе 2015 г. «выросло на 5,3%» [10], а значит, технологическая цепочка уголь-кокс-металл даже в условиях военных действий и российской оккупации довольно долгое время продолжала работать. Полуфабрикаты движутся по цепочке, конечный продукт экспортируется.

Выигрывают олигархи Украины, выигрывают и рабовладельцы «ДНР» – «ЛНР». Тем более, что значительная часть последних – ставленники все тех же олигархов, о чем уже неоднократно заявлялось в СМИ и в экспертном сообществе.

Кстати, не только власть Украины декларирует единство страны. Как ни странно для некоторых, но и ряд руководителей т.н. ДНР не раз высказывался за сохранение единого экономического пространства с Украиной, а также за сохранение единого денежного пространства с ненавистной им «хунтой». Такие странные высказывания противников Украины легко объясняются на основе того, что функционеры ДНР являются в значительной мере ставленниками донбасского олигархата или бывшими работниками его структур.

Олигархату не нужны дополнительные издержки на валютном обмене в рамках одной технологической цепочки. Не потому ли «ДНР» и «ЛНР» так и не ввели свои валюты (несмотря на неоднократные публичные обещания), что это не вписывается в экономические планы украинской и российской олигархии? И, стало быть, в планы реальных хозяев, контролирующих формальных лидеров квазиреспублик.

6. «ДНР» – «ЛНР» как внутренняя колония олигархической системы. В истории некоторых буржуазных государств были такие периоды, когда экономически господствующие круги эксплуатировали особенности тех или иных регионов собственной страны для своего максимального обогащения. Так, например, итальянский Юг (бывшая территория Неаполитанского королевства и Королевства Обеих Сицилий) использовался промышленными и торговыми кругами итальянского Севера как источник сельскохозяйственного сырья и дешевой рабочей силы. Региональные различия между развитым промышленным Севером и отсталым, полуфеодалным аграрным Югом сохранялись в Италии больше ста лет после ее объединения, и различия эти заметны и сейчас. Территорию итальянского Юга не-

которые теоретики называли «внутренней колонией» итальянского капитализма. Так же, как из колонии внешней, из колонии внутренней выкачивают все лучшее. Для процветания метрополии.

Происходящее в экономике подводит к мысли, что Донбасс (или, как минимум, его собственно угольную часть) превратилась в своеобразную внутреннюю колонию украинской олигархической системы. Пока адепты т.н. русского мира и украинские патриоты ломают копья в словесных, и не только словесных, баталиях, экономическая реальность именно такова.

Эта внутренняя колония площадью около 17 тыс. квадратных километров (приблизительно 8,3 тыс. кв. км – под контролем «ДНР», и примерно столько же – «ЛНР»), равная небольшому африканскому государству вроде Руанды, уже сейчас представляет собой территорию почти бесплатного труда, труда за паёк. Или своеобразную резервацию для шахтеров. Резервацию с регламентированным режимом въезда, выезда и пребывания, и отсутствием элементарных человеческих прав: на оплачиваемый труд, на частную собственность, на охрану здоровья. И даже на саму жизнь как таковую.

И в российских, и в украинских правящих верхушках есть силы, заинтересованные в том, чтобы оформить в политическом смысле такую внутреннюю колонию как бантустан времен расистской ЮАР. С декоративной независимостью местных вождей-людоедов и колоритных корольков, при полном экономическом контроле со стороны олигархических корпораций. Начало такого оформления происходит уже сейчас: создана 600-километровая разграничительная линия, минные поля по периметру, украинской Верховной Радой проведено официальное изменение административных границ ряда районов (по принципу: это – вам, а это – нам), что указывает практически на согласие законодательного органа власти на длительный период отсутствия официального контроля над определенными территориями. Имеются блокпосты, а также введены пропуска для въезда-выезда. Вольно или невольно в оформлении границ своеобразного бантустана участвуют чиновники и вооруженные люди с обеих сторон.

7. Конфигурация демаркационной линии в Донбассе. В январе 2015 г. в одной из своих работ, опубликованных на страницах информационно-аналитического агентства «Остров», автор писал: «...не следует полагать, что вся территория Донбасса будет отдана под бантустан. Так же, как на одном конце технологической цепочки олигархии выгодно не иметь украинской власти (чтобы сбросить социальные обязательства, не выплачивать зарплату в денежной форме и налоги в госбюджет), на другом конце той же цепочки украинскую юрисдикцию выгодно сохранить. Имею в виду конечные звенья – там, где возникает готовый (конечный) товар и откуда он экспортируется.

Мало кто знает (по крайней мере, из людей, далеких от бизнеса), что экспорт ходовых товаров из захваченного Россией Крыма (например, зерна) до сих пор осуществляется по украинским сертификатам. Поскольку других внешний мир просто не признаёт. И не признает, как выразились недавно в США, в ближайшую тысячу лет. Аналогичная ситуация и с Донбассом. Легально что-либо экспортировать оттуда можно только с украинской документацией. Поэтому экспортные точки технологических цепочек, скорее всего, будут оставлены под непосредственным украинским контролем.

Итак, можно сформулировать следующую закономерность: **чем выше доля добавленной стоимости в продукции того или иного промышленного предприятия, тем с большей вероятностью оно будет оставлено под непосредственной украинской юрисдикцией.** Потому что это необходимо для экспорта (и обогащения олигархических групп). И наоборот: **чем ниже доля добавленной стоимости, которая заключена в товаре, тем выше вероятность включения такого предприятия в как бы независимый от Украины бантустан.** Территории, для которых те или другие предприятия являются градообразующими, как правило, разделяют судьбу таких предприятий» [11].

Прошедшие с тех пор почти 4 года подтвердили этот прогноз. Если совместить карту расположения т.н. копанок (нелегальных шахт по добыче угля) и границ т.н. ОРДЛО, в основе которых лежит минская демаркационная линия, можно увидеть следующее. Районы, где преобладают угледобывающие предприятия с низким переделом продукции, а также район копанок Шахтерск – Торез – Снежное – Антрацит с самого начала вооруженного конфликта и до сего дня находятся под уверенным контролем «ДНР» – «ЛНР», и центральная киевская власть явно не спешит их освобождать, ссылаясь на соблюдение Минских соглашений (постоянно нарушаемых пророссийскими силами). В то же время Мариуполь, где находятся 2 мощных металлургических комбината, входящих в известную бизнес-империю, и откуда идет экспорт конечного продукта данной технологической цепочки – металла, превращен в серьезный укрепленный район с несколькими линиями обороны. Его власти Украины сдавать не собирались, в отличие от ряда городов зоны копанок и шахт. К слову, когда Мариуполь возвращали под украинский контроль в июне 2014 г., в городе находились весьма слабые и малочисленные силы боевиков, которые было легко изгнать многократно превосходящим силам НГУ (Национальной гвардии Украины). По словам предводителя боевиков, российского полковника Гиркина, численность пророссийских боевиков составляла тогда в Мариуполе не более трех - четырех десятков человек. И это на такой стратегически важный город! Здесь, похоже, тот случай, когда в поддавки сыграла не Украина, а «ДНР».

Итак, сложившаяся конфигурация демаркационной линии в Донбассе подтверждает вывод автора от января 2015 г. о связи такой конфигурации с экономическими факторами, а именно, с принадлежностью промышленных предприятий и тяготеющих к ним территорий к отраслям высокого или низкого передела, высокого или низкого уровня добавленной стоимости.

Предприятия с высокой долей добавленной стоимости в их продукции, а также тяготеющие к ним территории, действительно, были оставлены под непосредственной украинской юрисдикцией. Видимо потому, что это было необходимо для осуществления экспорта и обогащения олигархических групп. И наоборот: территории, где концентрировались предприятия с низкой долей добавленной стоимости, которая заключена в товаре, оказались включены в т.н. ОРДЛО.

Сформулированная выше закономерность позволяет объяснить и странный завиток линии фронта в районе Дебальцево и Углегорска, получивший название «Дебальцевский карман» и просуществовавший со второй половины 2014 г. по февраль 2015 г. (когда он был почти полностью ликвидирован наступлением российских войск). Дело в том, что в этом «кармане» находилась Углегорская ТЭС – одна из самых крупных не только в Украине, но и в Европе. Электричество, как известно – товар с более высокой долей добавленной стоимости, чем уголь. Поэтому в интересах олигархического бизнеса было удерживать электростанцию под непосредственным контролем Украины. И линия, установленная т.н. Минском-1, так и пролегла, оставив Углегорскую ТЭС под контролем Украины. К слову, она до сих пор остается под контролем Украины, несмотря на ликвидацию российскими интервентами т.н. дебальцевского кармана.

Точно так же стойко держит украинская сторона и электростанцию в городке Счастье Луганской области. Все атаки «ополченцев» оканчиваются у ее ворот. Станция по итогам 2014 г. заняла второе место в Украине по производству электроэнергии.

Симбиотический организм по имени олигархическая система. Как видим, «независимость» Донецкой и Луганской «народных республик» в экономическом смысле вписывается в общеукраинскую олигархическую модель, исполняя давнюю мечту олигархов на не только дешевую, но и почти бесплатную рабочую силу. «Независимость» в данном случае нужна лишь для того, чтобы «освободить» рабочих Донбасса даже от тех куцых украинских социальных гарантий, которыми они еще недавно пользовались.

Итак, у всего происходящего в Украине с апреля 2014 г. по настоящее время есть не только внешние причины, кроющиеся в геополитическом противостоянии России и США, но и сугубо внутренние, украинские и региональные (донбасские)

причины. **«ДНР» и «ЛНР» вполне можно рассматривать как экстраординарную мутацию олигархической экономики и политической системы Украины, мутацию системы, дошедшей в своем патологическом развитии до крайних асоциальных форм.**

К слову, о внутренних причинах, которые можно рассматривать в качестве предпосылок для сепаратизма в Донбассе и, следовательно, нынешнего вооруженного конфликта, литературы не так много (гораздо меньше, чем о российской агрессии), поэтому весьма интересной в этом смысле является статья В.П. Антонюк и Е.Д. Прогнимак «Антимодернізаційні процеси в Донецькій і Луганській областях та їх соціальні наслідки». Упомянутые авторы показали, «...что в ходе индустриального развития в областях не обеспечено модернизационных преобразований и формирования основ постиндустриальной экономики. Вследствие этого Донбасс превратился в полупериферийный регион, что обусловило его технико-технологический упадок и привело к значительному обострению социальных проблем, которые стали основанием для сепаратизма» [12].

Перспективы развития ситуации. Если предоставить описанную ситуацию только лишь действию экономических сил, очищенному от других, в т.ч. внешнеполитических и геополитических факторов, то со временем восток Украины, вполне возможно, выглядел бы так. Эта территория представляла бы собой лоскутное одеяло, где обнесенные проволокой трудовые резервации с бесправной и дешевой рабсилой под вывеской «ДНР» и «ЛНР» чередовались бы с островками территории, где украинское законодательство еще действует. Эти островки украинской территории располагались бы, как правило, там, где находятся крупные, ориентированные на экспорт, предприятия.

Иными словами, один и тот же принцип олигархической выгоды выталкивал бы одни территории из правового поля Украины (в интересах минимизации издержек), а другие – с тем же упорством удерживал бы в нем (в интересах обеспечения легального экспорта, поскольку внешний мир признает только сертификаты торгово-промышленной палаты Украины).

На примере разного отношения центральной киевской власти к освобождению металлургического Мариуполя и угольного района Шахтерск – Торез – Снежное можно видеть, что подобное распределение территорий между «подконтрольной» и «неподконтрольной» частями Донбасса отчасти сложилось уже сейчас. А введение пропускной системы, несколько не вредя незаконным вооруженным формированиям, лишь усиливает изоляцию трудовых резерваций Донбасса от внешнего мира, затрудняя мобильность рабочей силы и возможность выехать на «свободную» территорию.

Районы и одного, и другого статуса, несмотря на все различия, будут экономически нуждаться

друг в друге, поскольку их градообразующие предприятия представляют собой звенья одной технологической цепочки. **Между территориями с разным статусом сложится своеобразный экономический симбиоз.** Несмотря на разницу политической риторики по обе стороны демаркационной линии, уголь, крепежный лес и другие промышленные грузы будут и дальше практически свободно перемещаться между предприятиями. Только до т.н. торговой блокады, начатой в начале 2017 г., товарные составы с этими грузами перемещались непосредственно через «линию фронта», а после этого – окольными путями через Россию или третьи страны.

Автор статьи допускает, что, если дело дойдет до какого-либо устойчивого мирного соглашения между официальным Киевом и местными донбасскими рабовладельцами, то считающиеся непримиримыми по отношению к Украине «ДНР» и «ЛНР» легко согласятся войти в таможенную границу Украины. Ведь это выгодно хозяевам донбасской технологической цепочки. Зачем платить лишние пошлины со своих же товаров? Вполне логично поэтому и сохранить общую валюту, т.е. украинскую гривну. Можно предполагать, что, несмотря на введение в платежный оборот «ДНР» и «ЛНР» российского рубля, произошедшее в 2016 г., обратный переход на гривну не вызовет большого сопротивления реальных экономических хозяев ОРДЛО. Тем более, что о приверженности гривне неоднократно говорили даже «непримиримые» по отношению к Украине руководители «ДНР». Дело в том, что подобная «непримиримость» обычно не выходит за рамки, указанные тем или иным функционерам олигархическими кукловодами.

Закон об особом статусе некоторых районов Донецкой и Луганской областей, вокруг которого было столько споров осенью 2014 г., содержал определенные возможности для того, чтобы сгладить конфликт на востоке Украины приблизительно таким же способом: при номинальном сохранении украинского суверенитета и единства таможенной границы, экономика, социальная сфера и даже силовые структуры региона («народная милиция») отдавались в руки местных олигархических кругов.

Более того, в это же время в Украине был отодвинут на целый год срок начала реальной работы над ассоциацией с ЕС, а для «особых районов» Донбасса в упомянутом законе был, по сути, предусмотрен свой порядок участия (или неучастия) в евроинтеграции и, вообще, отношений с ЕС. Но такому полюбовному олигархическому урегулированию мешали внешние факторы, один из которых можно назвать фактором Путина, а именно, непрекращающаяся агрессия Кремля против Украины.

Выводы. С экономической точки зрения, начиная с 2014 г., происходят процессы, которые означают удешевление рабочей силы, снижение издержек на нее и резкий рост эксплуатации рабочей силы

той части населения, которая проживает на территориях, контролируемых российскими оккупантами.

«ДНР» и «ЛНР» превратились в резервации дешевого труда, позволяющие олигархической системе сбросить социальные обязательства перед лицами наемного труда. Но прибыльные технологические цепочки остались практически теми же, только перемещение продукции в рамках этих цепочек происходит с использованием модифицированных схем, включающих вывоз угля в РФ и его обратный ввоз в Украину или непосредственную отправку на экспорт.

Оккупированная Россией часть Донбасса (а это преимущественно его собственно угольная часть) превращена в своеобразную внутреннюю колонию и российской, и украинской олигархической системы.

При взгляде на демаркационную линию, оформленную т.н. Минскими соглашениями и искусственно разделившую Донбасс, просматривается следующая закономерность: районы с преобладанием предприятий, у которых выше доля добавленной стоимости в общей стоимости продукции, оставлены под непосредственным украинским контролем. Олигархический бизнес заинтересован в экспорте конечного товара контролируемой технологической цепочки (металла) из легальных экспортных площадок, вроде Мариуполя. В свою очередь, районы, где преобладают предприятия по добыче угля (начало технологической цепочки), то есть те, где ниже доля добавленной стоимости, которая заключена в товаре, остались в т.н. ОРДЛО.

Нынешний конфликт в Донбассе – это сложное, комплексное явление, в котором переплелись внутренние и внешние факторы. Этот конфликт пока что имеет две наиболее вероятных перспективы. В первом случае, или в случае прекращения российского вмешательства, будет заключено соглашение между официальной киевской властью и теми кругами Донбасса, которые два десятилетия высасывали из региона все соки. Большинство жителей Донбасса будут обречены на низкооплачиваемый труд в пользу т.н. хозяев Донбасса. Здесь усилится бесправие граждан. Украинский народ в целом получит фиксацию олигархической модели еще на долгие годы, причем в ее наиболее отвратительных, асоциальных формах. Территориальная целостность Украины в регионе Донбасса будет формально восстановлена, но с выделением здесь особого удельного «княжества» (под соусом районов с особым статусом, автономии и т.д.) под властью региональной олигархии.

В случае продолжения российского вмешательства и, особенно, при его интенсификации, регион Донбасса (или его значительная часть) будет надолго оторван от Украины во всех отношениях и в той или иной форме включен в сферу влияния РФ. В этом случае участь оставшихся здесь местных жителей вряд ли будет лучше, чем в первом случае: тот

же низкооплачиваемый, изнурительный труд в копанках, шахтах и на уцелевших заводах. Засилье кадывровцев и других, пришедших из российского Кавказа, «освободителей», которые подрывают крышевать местный неолитархический бизнес. Украинский народ надолго потеряет часть национальной территории и лишится многих важных материальных ресурсов и миллионов сограждан, оказавшихся за границей.

Ни тот, ни другой вариант окончания конфликта не является приемлемым для народа, заплатившего тысячами жизней своих героев за свободу и демократию. Поэтому приемлемым выходом, которой устроит Украинский народ, должна быть не только победа над внешними врагами, но и слом олигархической системы в самой Украине. Правительство Порошенко этого сделать не может и не хочет, поскольку он сам является одним из олигархов, процветавшим при всех режимах.

Поэтому будущее национально-демократическое правительство Украины, если такое вообще когда-нибудь придет к власти в нашей стране, должно будет в качестве первой цели провести национализацию крупных промышленных активов в угольной промышленности и ГМК в целом. Только такая национализация устраним экономическую почву для военных конфликтов, подобных нынешнему.

Литература

1. **Отжатый** Донбасс. *Фокус*. 2015. № 10 (423).
2. **Демина Елена**. Яценюк начинаем очередную фиктивную блокаду ДНР. *Деловая столица*. 2015. № 37 (747). С. 8. 3. **Антонюк В.П.** Вплив внутрішньо переміщених осіб на розвиток територіальних громад: проблеми та перспективи. *Вісник економічної науки України*. 2016. № 2 (31). С. 8–13. 4. **Сущко М.Ю.** Аналіз сучасного стану розвитку промислової галузі України. *Вісник економічної науки України*. 2017. № 1 (32). С. 93–98. 5. **Якубовський М.М., Ляшенко В.І.** Модернізація економіки промислових регіонів: спроба концептуалізації. *Вісник економічної науки України*. 2016. № 1 (30). С. 188–195. 6. **Колосов А.М.** Економічна блокада підприємств невідконтрольної частини Донбасу дає свої негативні наслідки. *Економічний вісник Донбасу*. 2017. № 3 (49). С. 4–10. 7. **Сытник Е.** Украинский нефеодализм и российский газ как его экономический могильщик. *Украинская правда*. 2012. 27 янв. URL: <https://www.pravda.com.ua/rus/columns/2012/01/27/6935513/>. 8. **Подконтрольные** боевикам шахты закупили оборудования за счет госбюджета – СМІ. *Украинская правда*. 2015. 9 янв. URL: <https://www.pravda.com.ua/rus/news/2015/01/9/7054462/>. 9. **Покупаем** и будем покупать. Уголь с оккупированных территорий является для Украины самым выгодным по цене. *Остров*. 2015. 9 янв. URL: <https://www.ostro.org/general/society/news/461634/>. 10. **В Донецкой** области в январе выросло производство стали на 5,3%. 18.01.2015. URL: <https://www.62.ua/news/714235/v-doneckoj-oblasti-v-yanvare-vyroslo-proizvodstvo-stali-na-53>. 11. **Сытник Е.А.** «Республики»

низких издержек. *Остров*. 2015. 20 янв. URL: <https://www.ostro.org/blogs/sitnik/160918>. 12. **Антонюк В.П., Прогнімак О.Д.** Антимодернізаційні процеси в Донецькій і Луганській областях та їх соціальні наслідки. *Економічний вісник Донбасу*. 2015. № 3 (41). С. 17–26.

References

1. Otzhatyy Donbass [Pressed Donbass]. (2015). *Fokus – Focus*, 10 (423) [in Russian].
2. Demina Yelena. Yatsenyuk nachinayet ocherednyuyu fiktivnyuyu blokadu DNR [Yatsenyuk begins another fictitious blockade of the DPR]. (2015). *Delovaya stolitsa – Business capital*, 37 (747), pp. 8 [in Russian].
3. Antoniuk V.P. (2016). Vplyv vnutrishno peremishchenykh osib na rozvytok terytorialnykh hromad: problemy ta perspektyvy [The impact of internally displaced persons on the development of territorial communities: problems the prospects]. *Visnyk ekonomichnoi nauky Ukrainy – Bulletin of Economic Science of Ukraine*, 2 (31), pp. 8–13 [in Ukrainian].
4. Sushko M.Yu. (2017). Analiz suchasnoho stanu rozvytku promyslovoi haluzi Ukrainy [Analysis of the current state of the industrial sector of Ukraine]. *Visnyk ekonomichnoi nauky Ukrainy – Bulletin of Economic Science of Ukraine*, 1 (32), pp. 93–98 [in Ukrainian].
5. Yakubovskiy M.M., Liashenko V.I. (2016). Modernizatsiia ekonomiky promyslovykh rehioniv: sprobа kontseptualizatsii [Modernisation of industrial regions economy: the attempt of conceptualization]. *Visnyk ekonomichnoi nauky Ukrainy – Bulletin of Economic Science of Ukraine*, 1 (30), pp. 188–195 [in Ukrainian].
6. Kolosov A.M. (2017). Ekonomichna blokada pidpriemstv nepidkontrolnoi chastyny Donbasu daie svoi nehatyvni naslidky [The economic blockade of enterprises of the uncontrolled part of the Donbas gives its negative results]. *Ekonomichniy visnyk Donbasu – Economic Herald of the Donbas*, 3 (49), pp. 4–10 [in Ukrainian].
7. Sytnik Ye. (2012). Ukrainskiy neofeodalizm i rossiyskiy gaz kak yego ekonomicheskyy mogil'shchik [Ukrainian neo-feudalism and Russian gas as its economic gravedigger]. *Ukrainskaya pravda – Ukrainian truth*, Jan 27. *pravda.com.ua*. Retrieved from <https://www.pravda.com.ua/rus/columns/2012/01/27/6935513/> [in Russian].
8. Podkontrol'nyye boyevikam shakhty nakupili oborudovaniya za schet gosbyudzheta [The mines controlled by the militants bought equipment at the expense of the state budget]. (2015). *Ukrainskaya pravda – Ukrainian truth*, Jan 9. *pravda.com.ua*. Retrieved from <https://www.pravda.com.ua/rus/news/2015/01/9/7054462/> [in Russian].
9. Pokupayem i budem pokupat'. Ugol' s okkupiroyannykh territoriy yavlyayetsya dlya Ukrainy samym vygodnym po tsene [We buy and we will buy. Coal from the occupied territories is the best price for Ukraine]. (2015). *Ostrov*, Jan 9. *ostro.org*. Retrieved from <https://www.ostro.org/general/society/news/461634/> [in Russian].
10. V Donetskoy oblasti v yanvare vyroslo proizvodstvo stali na 5,3% [In Donetsk, in January, steel production increased by 5.3%]. 01/18/2015. *62.ua*. Retrieved from <https://www.62.ua/news/714235/v-donec>

koj-oblasti-v-anvare-vyroslo-proizvodstvo-stali-na-53 [in Russian].

11. Sytnik Ye.A. (2015). «Respubliki» nizkikh izderzhok ["Republic" low cost]. *Ostrov*, Jan 20. *ostro.org*. Retrieved from <https://www.ostro.org/blogs/sitnik/160918/> [in Russian].

12. Antoniuk V.P., Prohnik O.D. (2015). Antymodernizatsiini protsesy v Donetskii i Luhanskii oblastiakh ta yikh sotsialni naslidky [Antimodernizational processes in Donetsk and Luhansk regions and their social consequences]. *Ekonomichnyi visnyk Donbasu – Economic Herald of the Donbas*, 3 (41), pp. 17-26 [in Ukrainian].

Ситник Є. А. Зміни в процесі формування ланцюжків виробництва основного технологічного ланцюжка в умовах розділеного Донбасу

Виявлено принципові зміни в структурі витрат виробництва одного з основних технологічних ланцюжків Донбасу (вугілля – кокс – метал) в умовах окупації частини Донбасу Росією. Знайдено зв'язок між формуванням конфігурації демаркаційної лінії, що штучно поділила український Донбас відповідно до так званих Мінських угод, та економічними факторами. Показано, що райони, де в структурі промисловості переважають підприємства з низьким рівнем доданої вартості, залишилися переважно у так званих ОРДЛО (окремі райони Донецької та Луганської областей), тимчасово невідконтрольних Україні, що дозволяє монополістичному, олігархічному капіталу РФ та України максимізувати прибутки за рахунок різкого зниження витрат на робочу силу та відмову від соціальних зобов'язань. Запропоновано шлях вирішення цієї проблеми через націоналізацію українською державою великих промислових активів.

Ключові слова: структура витрат виробництва, технологічний ланцюжок, зниження ціни робочої сили, скидання соціальних зобов'язань, доля доданої вартості в вартості продукції, економічний симбіоз, резервації дешевої праці, демаркаційна лінія.

Сытник Е. А. Изменения в процессе формирования издержек производства основной технологической цепочки в условиях разделенного Донбасса

Выявлены принципиальные изменения в структуре издержек производства одной из основных технологических цепочек Донбасса (уголь – кокс – металл) в условиях оккупации части Донбасса Россией.

Найдена связь между формированием конфигурации демаркационной линии, искусственно разделившей украинский Донбасс согласно т.н. Минским соглашениям, и экономическими факторами. Показано, что районы, где в структуре промышленности преобладают предприятия с низким уровнем добавленной стоимости, остались преимущественно в т.н. ОРДЛО (отдельных районах Донецкой и Луганской областей), временно неподконтрольных Украине, что позволяет монополистическому, олигархическому капиталу РФ и Украины максимизировать прибыли за счет резкого снижения издержек на рабочую силу и сброса социальных обязательств. Предложен путь решения этой проблемы через национализацию украинским государством крупных промышленных активов.

Ключевые слова: структура издержек производства, технологическая цепочка, снижение цены рабочей силы, сброс социальных обязательств, доля добавленной стоимости в продукции, экономический симбиоз, резервации дешевого труда, демаркационная линия.

Sytnyk Ie. Changes in the Process of Forming of Production Costs of the Main Technological Chains Under the Separation Conditions in Donbas

The article revealed fundamental changes in the structure of production costs of one of the main technological chains of Donbas (coal – coke – metal) under the conditions of partial occupation of Donbas by Russia. A link was found between the formation of the demarcation line, which artificially divided the Ukrainian Donbass according to the Minsk agreements, and economic factors. It is shown that the areas where enterprises with low level of value added dominate the structure of industry remained mostly in the so-called ORDLO (certain areas of the Donetsk and Lugansk regions) temporarily out of control of Ukraine, which allows monopolistic, oligarchic business structures from the Russian Federation and Ukraine to maximize profits by drastically reducing labor costs and dumping social obligations. A way to solve this problem through the nationalization of large industrial assets by the Ukrainian state has been proposed.

Keywords: structure of production costs, technological chains, reducing labor costs, dumping social obligations, level of value added in the value of production, economical symbiosis, cheap labor reservations, demarcation line.

Стаття надійшла до редакції 22.01.2019

Прийнято до друку 28.03.2019